

DOI 10.15826/izv2.2021.23.4.071
УДК 001.89 + 332.821 + 334.738 + 349.44

Е. А. Долгова
*Российский государственный
гуманитарный университет*
Москва, Россия

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС ДЛЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ: ОТ ДОМА-КОММУНЫ К ЖИЛИЩНОМУ КООПЕРАТИВУ

В статье исследуется переход от принципа упразднения индивидуального уклада жизни (дом-коммуна) к социально стратифицированному, комфортному жилью (кооператив с обособленными квартирами) во второй половине 1920-х — середине 1930-х гг. Традиционно жилищные кооперативы рассматриваются как инструмент социальной стратификации, имеющий ярко выраженную пролетарскую направленность. Автор впервые исследует производственные жилищные кооперативы научных работников, характеризуя специфику их взаимодействия с местными органами власти, уточняя социальный состав пайщиков, реконструируя специфику функционирования и финансовой дисциплины. На основе широкой делопроизводственной документации из фондов Государственного архива Российской Федерации, впервые вводимой в научный оборот, автор раскрывает историю нескольких научных кооперативов — московского, ленинградского, сети провинциальных РЖК. Отдельно рассматривается проект Дома научных работников в Омске: публикацию сопровождает архитектурный чертеж типовой планировки жилья элитарного типа. Автор приходит к выводу, что краткий период жилищной кооперации, развернувшийся в годы первой пятилетки, мог способствовать укреплению социальной стратификации (научные работники оказались выведены за рамки общегражданских норм обеспечения жилплощадью), расслоению внутри научного сообщества (были обособлены высшие, финансово преуспевающие категории научных работников), снижению остроты жилищного вопроса в провинции (за счет расселения приезжающих специалистов). С другой стороны, краткий опыт нельзя признать удачным из-за неустойчивости кооперативов для служащих в системе рабочего жилья, немногочисленности кооперативов и административных усилий по их укрупнению, нечеткости границ между муниципальным и кооперативным жильем и, наконец, финансовой обременительности кооперативов для пайщиков (при высоких государственных кредитных издержках).

К л ю ч е в ы е с л о в а: научные работники; жилищная политика; дом-коммуна; жилищный кооператив; социальная стратификация; паенакопление; общегражданская норма жилплощади

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 20-78-10095 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Ц и т и р о в а н и е: Долгова Е. А. Квартирный вопрос для научных работников: от дома-коммуны к жилищному кооперативу // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 139–158. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.071>

Поступила в редакцию: 25.04.2021

Принята к печати: 12.10.2021

Evgeniya A. Dolgova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

HOUSING QUESTION FOR SCHOLARS: FROM A COMMUNAL HOUSE TO A COOPERATIVE

This article examines the transition from the principle of abolishing the way of life structured around the individual (communal house) to socially stratified comfortable housing (a cooperative) in the second half of the 1920s and mid-1930s. Traditionally, housing cooperatives are interpreted as an instrument of proletarian social stratification. The author studies industrial housing cooperatives of scholars, characterising the specifics of their interaction with the local authorities, clarifying their social composition, and reconstructing the peculiarities underlying the functioning and financial discipline. Using the documentation of the State Archives of the Russian Federation, the author explores the history of several Moscow, Leningrad, and regional scholarly cooperatives. Also, the author separately considers the project of the House for academic staff in Omsk illustrating the publication with an architectural drawing of a typical layout of elite accommodation. The author concludes that a short period of housing cooperation, which unfolded during the first five-year plan, could contribute to the strengthening of social stratification (scholars were taken out of the framework of general civil norms for housing), stratification within the academic community (financially successful categories of scholars were singled out), reducing the severity of the housing problem in the provinces (due to the resettlement of visiting specialists). On the other hand, the brief period cannot be considered successful due to the instability of cooperatives for researchers in the system of working housing, the small number of cooperatives and efforts to increase their administrative enlargement, the vagueness of the boundaries between municipal and cooperative housing, and, finally, the financial burden of cooperatives for scholars (with high state credit costs).

К e y w o r d s: researchers; housing policy; communal house; housing cooperative; social stratification; general civil norm of living space

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the *Russian Science Foundation* grant 20-78-10095 “Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organisational and Management Practices (1920s–1970s)”.

F o r c i t a t i o n: Dolgova, E. A. (2021). Kvartirnyi vopros dlia nauchnykh rabotnikov: ot doma-kommuny k zhilishchnomu kooperativu [Housing Question for Scholars:

From a Communal House to a Cooperative]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(4), 139–158. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.071>

Submitted: 25.04.2021

Accepted: 12.10.2021

Дом-коммуна или кооператив: жилплощадь для ученых

30 октября 1932 г. в преддверии зимы и 15-й годовщины Революции профессор А. В. Белоруссов, в течение полутора лет безрезультатно обивавший пороги жилорганов и Секции научных работников, обратился в газету «Правда». В письме он писал: «Живу в течение полутора лет, ночуя по “конвейеру” в 3–5 местах по очереди не раздеваясь. Научная работа проводится на бульварах, в трамваях, случайных комнатах. Семья в том же положении. Я в партии 13 лет, активно участвовал в Октябрьской революции, член секции научных работников с 1923 г. К XV годовщине Октября прошу Вашего вмешательства в это исключительно тяжелое дело» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 295, л. 28]. К письму были приложены ходатайства его коллег — члена ВКП(б) Ильина и доцента П. Н. Сергеева. Первый подтверждал, что проф. Белоруссов «ночевал у него, как правило, 1–2 раза в пятидневку сего года до августа месяца» [Там же, л. 29], второй уточнял, что «товарищи представляют ему ночлег, как обычно, на полу». Научной работой Белоруссов занимался, пользуясь «или случайными помещениями или на открытом воздухе в летнее время» [Там же, л. 30].

Заведующий отделом писем рабочих и колхозников газеты «Правда» передал письмо в Центральный комитет профсоюза работников просвещения (далее — Цекпрос) [Там же, л. 27], получив ответ от 8 декабря 1932 г. за подписью секретаря Цекпроса Бычковой и секретаря президиума Лавриновича. В нем отмечалось, что профессор Белоруссов состоял в списке первой очереди, однако был далеко не единственным претендентом на столичную жилплощадь. Сюжет был не нов: еще 29 ноября 1927 г. Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) рапортовала Председателю СНК СССР А. И. Рыкову: «среди населения Москвы, остро нуждающегося в удовлетворении жилой площади, имеется значительное количество высококвалифицированных ученых, жилищные условия которых чрезвычайно тяжелы. <...> Есть даже ночующие в библиотеках, чертежных и тому подобных помещениях» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 9, ед. хр. 306, л. 88]. В ответе Цекпроса в газету «Правда» 1932 г. резюмировалось: «последним источником, откуда т. Белоруссов мог бы получить жилплощадь является жилищно-строительный кооператив “Научный работник”, но для этого необходимо быть его членом и уплатить соответствующий паевой взнос, чего тов. Белоруссов до сих пор не сделал» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 295, л. 26–26 об]. Что же это был за кооператив, в который мог вступить профессор?

Юридическое оформление жилищно-строительных кооперативов (ЖСК) началось в мае 1924 г., когда вышло постановление ЦИК и СНК «О содействии

кооперативному строительству рабочих жилищ». 19 августа 1924 г. ЦИК и Совнарком СССР в постановлении «О жилищной кооперации» оформили два вида жилищно-кооперативных организаций: жилищно-строительные (ЖСТ) и жилищно-арендные кооперативные (ЖАКТ) товарищества, последние подразделялись на общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества (ОЖСКТ) и рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСКТ). В исследовании В. Н. Горлова [2020] жилищная кооперация справедливо характеризуется как инструмент социальной стратификации, имеющий ярко выраженную пролетарскую направленность, ставший механизмом реализации классовой политики привилегированности пролетариата [Там же, с. 26, аннотация]. На преимущественно пролетарский состав кооперации указывал и М. Г. Меерович [2008]. Однако, хотя РЖСКТ и имели в своем названии слово «рабочий», их социальный состав все-таки был разнороден [Князев, с. 12]. Так, привилегированными собственниками жилой площади, передаваемой в бессрочное и безвозвратное пользование, могли стать научные и научно-педагогические работники: это вполне соответствовало реализуемой с начала 1920-х гг. установке на улучшение их жилищных условий [Тайцлин; Петаченко].

Первые жилищные кооперативы для научных работников возникли еще в годы НЭПа [Давыдов], однако их массовое строительство инициировало постановление 2-го Всесоюзного съезда научных работников (1926). Сохранился любопытный документ, иллюстрирующий своего рода «развилку» в решении жилищного вопроса. В октябре 1926 г. ЦеКУБУ было возбуждено ходатайство об ассигновании из фонда, отпускаемого ЦИК на рабочее жилищное строительство, 600 тыс. руб. на постройку дома-коммуны для научных работников [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 9, ед. хр. 306, л. 96; ф. А-259, оп. 126, ед. хр. 3080, л. 2 об.]. Одновременно ЦеКУБУ обратилась с просьбой «дать директивные указания местным исполкомам об усилении темпа строительства новых жилищ для научных работников путем кредитования организуемых ими жилищно-строительных кооперативных товариществ» [Там же].

После долгих согласований Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) постановил удовлетворить ходатайство ЦеКУБУ в отношении предоставления жилстроительным кооперативам, организуемым научными работниками, права получать ссуды в порядке и на основаниях, установленных для кооперативов с рабочим составом [ГАРФ, ф. А-259, оп. 126, ед. хр. 3080, л. 5], но отказать в субсидировании постройки дома-коммуны. В заключении отмечалось: «жилищное строительство, как правило, проводится в порядке кредитования, а не в сметном порядке по государственному бюджету» [Там же]. Документ фиксирует любопытный переход от принципа упразднения индивидуального уклада жизни (дом-коммуна) к социально стратифицированному комфортному жилью (кооператив с обособленными квартирами), от государственного субсидирования к частнохозяйственной инициативе, опыту самостоятельного строительства [о последней тенденции см.: Andrusz, p. 142]. Хотя дома-коммуны продолжали возводиться (например, общежитие для Института красной профессуры — «Дом-пила»

на Большой Пироговской [Долгова]), акцент во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. делался на решении жилищного вопроса уже не путем «уплотнения», а посредством строительства домов для специалистов и ученых.

Циркуляр НКВД от 24 мая 1928 г. «Об улучшении жилищного положения научных работников» рекомендовал губернским, областным и краевым отделам коммунального хозяйства оказать содействие в деле организации кооперативного жилищного строительства путем предоставления кредитов. Народным комиссариатом юстиции циркуляр был разослан на места с целью напомнить о необходимости последовательной и систематической защиты прав научных работников [ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 10, ед. хр. 36; ф. Р-3316, оп. 26, ед. хр. 182; ф. Р-5446, оп. 14, ед. хр. 1800]. Сделав акцент на усиленное развитие жилкооперации научных работников, сменившая ЦеКУБУ Комиссия содействия ученым и Центральное бюро Секции научных работников (далее — СНР) настояли, чтобы в плане 1933 г. Госпланом было предусмотрено ассигнование необходимых средств и закрепление соответствующего количества стройматериалов [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, д. 295, л. 24]. Пункт 2 Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 марта 1933 г. об улучшении жилищных условий научных работников, приравняв жилищно-строительные кооперативы научных работников (условия кредитования, порядок паенакопления, обеспечение стройматериалами и т. п.) к жилищно-строительным кооперативам с преобладающим рабочим составом, рекомендовал Центральному коммунальному банку (Цекомбанк) ежегодно предусматривать в своем плане специальные кредиты для этого строительства.

Безусловно, столь явная готовность в значительной степени финансировать на условиях кредитования (до 80–90 %) индивидуальное жилищное строительство привела к росту жилищной кооперации. Ее расцвет пришелся на годы первой пятилетки (1928–1932). Интересно, что принципы организации жилищной кооперации были не вполне понятны вновь образованным товариществам — на первых порах они демонстрировали различие форм объединения. Разосланный в 1926 г. в местные отделения секций научных работников циркуляр Центрального бюро СНР просил уточнить: 1) принимались ли вами меры к получению участка; 2) отведен ли вам участок? если нет, какие встречались препятствия; 3) включен ли ваш жилищный кооператив в план рабочего кредитования на 1926/1927 год и через какой банк? 4) если не включен, то какова потребность в кредите? В какой сумме исчислена ваша смета? Какую сумму предполагается собрать путем членских взносов? Число членов кооператива, размер пая и сумма паевого капитала на первое число последнего месяца? [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 9, ед. хр. 306, л. 1]. Любопытный ответ пришел из Киевской СНР: «участок еще не отведен. Задержка происходит потому, что секция желала бы организовать кооператив на большом участке, чтобы иметь возможность проводить работу реформирования быта в направлении коллективизма» [Там же, л. 77]. За уточнением принципов организации жилищного кооператива по образцу столичного в Москву обратилась Пермская СНР [Там же, л. 89–89 об.]. Как будет показано далее, развертывание жилищной

кооперации имело ярко выраженную региональную специфику, раскрывающую отдельные аспекты ее функционирования.

Кооперативное vs муниципальное: как научные работники поссорились с Моссоветом

Наибольшие масштабы жилищная кооперация приобрела в Москве, где жилищный вопрос стоял наиболее остро [Ясинская]. В столице был создан целый ряд жилищно-строительных кооперативов научных работников. В основу их создания легли постановления Моссовета от 14 августа 1926 г., 31 марта 1928 г. и 15 апреля 1931 г.

В 1925 г. при Жилищной секции ЦеКУБУ было основано РЖСКТ «Научные работники», входившее в состав рабочих ЖСКТ Московской губернии. Его средства складывались: 1) из паевых взносов членов кооператива в размере 100 руб. пай на каждого члена; 2) 20 % суммы, составленной из взносов членов РЖСКТ из расчета 1 000 руб. за кв. саж. жилой площади; 3) 80 % суммы, требующейся для строительства (двух каменных домов на 30 квартир, деревянного дома на 4 квартиры. — Е. Д.), — из ссуды, полученной от Цекомбанка [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 9, ед. хр. 306, л. 89]. В момент своего основания кооператив объединил 79 научных работников [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 378, л. 36], на 27 августа 1927 г. РЖСКТ насчитывало 120 человек [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 9, ед. хр. 306, л. 89–89 об]. Изначально в состав кооператива входили исключительно научные работники — при вузах имелись самостоятельные жилищно-строительные кооперативы. Однако позднее ЦеКУБУ приняла решение об объединении жилищно-строительных кооперативов научных работников Москвы, приняв РЖСКТ «Научные работники» за базисный [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 378]. К 1931 г. кооператив насчитывал уже 1 630 членов, объединяя вокруг себя значительную группу научных работников: в его состав вошли члены восьми научных коллективов — Комакадемии, Института красной профессуры, 1-го МГУ, ВХУТЕМАСа, Тимирязевской академии, институтов, расположенных в районе Воронцова поля [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 293, л. 24].

Развитие кооператива было ускорено в годы первой пятилетки, темп которой позволил ему сформулировать собственное производственное задание в размере 29,1 тыс. кв. м [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 378, л. 30]. В период с 1925 по 1928 г. РЖСКТ сумело организовать постройку трех домов и приступило к строительству двух зданий по улице Сивцев Вражек и в Зачатьевском переулке. После объединения дальнейший план его застройки ЦеКУБУ предложило реализовывать в районах сосредоточения высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов — преимущественно в Хамовническом и Бауманском районе. Была составлена эскизная проектировка их застройки, распределенная на четыре года, с подготовительным периодом в 1928/29 г. План предполагал улучшение положения 700–800 семей научных работников — как за счет вселения, так и за счет перемещения лиц согласно очереди на освобождаемую жилплощадь. Тот

факт, что объединенный кооператив приравнивался к рабочему, дал ему право льготного кредитования (в отношении вложения собственных средств пайщиков в размере 10 % [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 393, л. 14 об.]), обеспечения необходимыми строительными материалами через соответствующие организации Моссовета, намечаемое строительство было включено в программу работ Мосстроя [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 378, л. 3, 4].

Таблица 1 показывает рост РЖСКТ и дает основные характеристики его хозяйственной деятельности. Таблица 2 характеризует основные показатели финансового состояния РЖСКТ.

Как видно, в годы первой пятилетки кооператив столкнулся с проблемами мобилизационной экономики: так, из-за невыполнения договорных обязательств в части сроков строительной конторой Мосгоржилсоюза не были освоены отпущенные кредиты 1931 г. [Там же, л. 35]. С другой стороны, ощущалась и нехватка средств: в документации встречаются просьбы о дополнительном финансировании. Как правило, решение последнего вопроса ложилось на муниципальные органы. Так, в ответ на запрос 1932 г. РЖСКТ «Научный работник» о дополнительном финансировании строительства роскошного восьмиэтажного семиподъездного дома по адресу Зубовский бульвар, 16-20 [Зубовский 16-20 Москва : паспорт дома], Мособлжилсоюзу в целях «формирования работ» было отдано распоряжение выделить для финансирования жилищно-строительной кооперации ученых не менее 10 % из средств, отпускаемых Моссовету на финансирование жилищно-строительной кооперации (в целом по Москве) [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 378, л. 38].

Это распоряжение о выдаче 800 тыс. руб. и предоставлении необходимых строительных материалов [Там же, л. 41] уже через год обернулось крупным конфликтом с Моссоветом, потребовавшим в момент сдачи дома определенный процент ордеров (8) на вселение [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 14, д. 1800, л. 15–17]. Ситуация оказалась довольно острой: 5 февраля 1933 г. кооперативом были приняты для эксплуатации две секции в количестве 30 квартир, к 10 февраля Правление РЖСКТ успело выдать научным работникам «согласно очереди на вселение» ордера на право занятия помещений, однако вечером поступило распоряжение председателя Мосгоржилсоюза т. Токмачева, в котором настоятельно рекомендовалось прекратить вселение в указанный дом по Зубовскому бульвару. Дом был оцеплен милицией в целях воспрепятствования занятия научными работниками квартир. Последним пришлось на холоде ждать получения разрешения на вселение в дом, а затем возвращаться с груженными вещами подводами в свои прежние квартиры, некоторые из которых уже оказались заняты. Весть о «захвате» дома распространилась среди работников Москвы. Эти события повлекли за собой делопроизводственную переписку, она велась на повышенных тонах, указывала на «ненормальность» создавшегося положения, на недопустимость занятия квартир в доме, отстроенном на средства членов кооператива, наконец, на «политическую ошибку, искривляющую линию Партии, проводимую в отношении научных работников, на политический скандал, образовавшийся благодаря

Таблица 1
Основные показатели деятельности кооператива и освоения кредитов РЖСКТ «Научный работник» (1931)

	На 01.01.1926	На 01.01.1927	На 01.01.1928	На 01.01.1929	На 01.01.1930	На 01.01.1931	На 01.12.1931	Предполагае- мый рост на: 01.01.1932	Предполагае- мый рост на: 01.01.1933
Число членов кооператива	79	120	192	372	647	841	1 630	2 800	3 675
Рост членов кооператива	79	41	72	190	275	194	789	1 170	875
Освоено кредитов		236	298	137	392	1 301	495	2 300	3 000
Отстроено площади в квадратных метрах			273	2043	1 112	3 681	1 166	11 500	15 000
Вселено семейств			4	21	14	34	42	230	300
Остается невослеленными при освоении кредитов	79	120	188	347	608	768	1 515	2 455	3 030

Источник: [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, д. 378, прил. 1].

Таблица 2

Основные показатели финансового состояния РЖСКТ «Научные работники», тыс. руб. (1931)

	На 01.01.1926	На 01.01.1927	На 01.01.1928	На 01.01.1929	На 01.01.1930	На 01.01.1931	На 01.12.1931
Баланс	16	247	547	764	1349	2816	3394
Паевые взносы	15	106	177	331	666	1359	1794
Средний пай на 1 члена кооператива	0,2	0,9	0,9	0,8	1,0	1,6	1,5
Ссуда банка получения		140	358	406	646	1261	1396
Ссуда на 1 члена кооператива		1,5	1,4	0,2	0,5	0,7	1,1
Ссуда, подлежащая к получению по пятилетнему плану, утвержденному СНК						600	700
Неосвоенные суммы по пятилетнему плану, вследствие неисполнения Стройконторой МОЖС обязательств по строительству							565
Кредит, отпущенный ВЦИК СССР для Комкадемии и Института красной профессуры							600

Источник: [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, д. 378, л. 32].

явному перехлесту» [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 14, д. 1800, л. 13–17]. За содействием пришлось обратиться в МК ЦКК и Совнарком, лишь после этого пост милиции был снят. Однако правлению РЖСКТ все-таки пришлось выделить правлению Моссовета ордер на одну квартиру — он был выписан на имя т. Булганина: Николай Александрович в это время занимал пост председателя исполкома [Там же, л. 9, 17]. Кроме того, конфликт не был исчерпан, а только перешел в скрытую фазу: РЖСКТ теперь находилось под пристальным вниманием Моссовета.

Другой инцидент произошел также в 1933 г.: в домах, возведенных по адресу Серебряный пер. и Машков пер., после постройки отдельные комнаты были изъяты органами ОГПУ [Там же, л. 13]. Этот случай, конечно, был вопиющим: даже в случае конфискации имущества отдельных членов кооператива она могла коснуться только паенакопления, но ни в коем случае не права на площадь. Последняя в кооперативных домах изъятию не подлежала, составляя кооперативную собственность. Была составлена жалоба в коллегия ОГПУ, но благоприятных результатов РЖСКТ не добились.

Как бы то ни было, несмотря на возникающие проблемы и препятствия, РЖСКТ «Научный работник» удалось возвести дома по адресам: Машков пер., 1/12 [Чаплыгина 1/12, стр. 1 Москва : паспорт дома], Сивцев Вражек, 4 [Сивцев Вражек 4 Москва : паспорт дома], 1-й Зачатьевский пер., 13 [Зачатьевский 1-й 13 Москва : паспорт дома], Zubовский бульвар, 16–20, приступить к постройке поселка Кратово близ Казанской железной дороги. Эти дома заселялись исключительно научными и научно-педагогическими работниками, однако в документации отмечалось, что имели место и случаи нарушения Устава РЖСКТ и порядка заселения очередности членов. Можно выделить в московском случае ключевую проблему — размытую грань между муниципальным и кооперативным жильем. С одной стороны, нечеткость правовых границ подрывала сам институт кооперативного строительства: даже вносимые паенакопления не гарантировали получения жилплощади. С другой стороны, вполне понятными представляются и претензии муниципальных органов на определенную квоту в домах, финансирование которых ложилось на городской бюджет.

Кто нуждается в жилплощади: ленинградский кооператив

Свой кооператив был основан и в научной столице СССР — Ленинграде [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 393].

В ГАРФ сохранились данные о его составе. На начальном этапе число членов составляло 183 человека [Там же, л. 53], в основном это были члены Рабпроса — профессора, доценты, ассистенты [Там же, л. 10]. Общее число пайщиков на 1 октября 1932 г. составляло уже 1 700 человек, в том числе 6 академиков, 400 профессоров, 350 доцентов и 1 000 научных работников других категорий, в том числе 325 членов партии и комсомола [Там же, л. 14]. Как отмечали составители сводки, из них обеспечено жилой площадью было только 280 человек. Проведенное обследование жилищных условий установило случаи, когда

научный работник проживал с семьей в 5 человек на площади 17 кв. м [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 393, л. 14, 15]. Однако не всё было так очевидно: в числе научных работников и ученых, признанных остро нуждающимися в жилплощади, были И. П. Павлов, Е. Л. Николаи, Г. П. Передери, И. Н. Бичунский, П. И. Преображенский, физик Д. Д. Иваненко, проф. С. Н. Курбатов, Н. Н. Давиденко, М. Г. Евангулов, Тимонов (без уточнения — отец или сын), А. Б. Залкинд, композитор Д. Д. Шостакович (деятели искусства также состояли в ведении ЦеКУБУ). Как отмечалось в документе, «все перечисленные лица ведут крупную научную работу и ненормальные жилищные условия сильно отражались на их деятельности» [Там же, л. 15].

Конечно, в отношении ленинградского сообщества можно говорить о научной элите, имеющей финансовые возможности для того, чтобы вступить в кооператив; не соблюдался и принцип социального (пролетарского) обособления. В отличие от провинции и Москвы, в Ленинграде квартирный вопрос не стоял так остро [Канчеев], и отдельные высокопоставленные ученые могли себе позволить вступить в «кастовый» кооператив, нести бремя дополнительных платежей. Ленинградский РЖСКТ в основном занимался восстановлением зданий, располагавшихся в центре города. Дома располагались вблизи Университета по адресам: 6-я линия Васильевского острова (ВО), 39 (пятиэтажный каменный дом на 48 квартир [6-я линия ВО 39]), 13-я линия ВО, 56 (деревянный двухэтажный дом на 5 квартир, на его месте сейчас дом постройки 1971 г.), 20-я линия ВО, 15 (каменный трехэтажный дом на 12 квартир) [20-я линия 15 Санкт-Петербург : паспорт дома], в Геслеровском переулке, 5/35 (деревянный двухэтажный дом на 6 квартир, бывший Петроградский Дом милосердия) и Дмитровском переулке, 5 (каменный трехэтажный дом на 11 квартир, был получен в краткосрочную аренду от Губоткомхоза и восстанавливался на взносы засельщиков) [Дмитровский 5 Санкт-Петербург : паспорт дома]. Из новых зданий кооператив приступил к строительству целого «жилкомбината» в 256 квартир на углу Тверской и Калужской улицы. Это был экспериментальный жилой комплекс (жилье с бытовым обслуживанием): при нем предполагалось возведение детского сектора, механизированной прачечной, клуба, столовой [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, ед. хр. 393, л. 15]. Как и в Москве, построенные и восстановленные РЖСКТ дома были красивыми, интересно спроектированными, комфортными зданиями, располагавшимися в историческом центре города. Многие из них рекомендованы к включению в перечень объектов культурного наследия [Князев; Архитектура Москвы...].

«Наш РЖСКТ — не рабочий»: кооператив для научных работников в провинциальном городе

В провинциальных вузах жилищный вопрос стоял остро вследствие нескольких важных факторов, главным из которых был приток новых преподавательских и научных сил в регионы в условиях открытия новых факультетов, разветвления работы крупных научно-исследовательских учреждений.

Поступавшая документация с мест рисовала катастрофические картины. В Саратове, где только 25 % научных работников имели удовлетворительные жилищные условия, не было возможности найти жилплощадь для вновь или временно приезжающих научных работников: местные власти отводили им помещения в гостиницах по сниженному тарифу (однако и он оказывался непосилен, — так, отмечалось, что за комнату могло уходить до 100 руб. в месяц при окладе в 130 руб.) [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 374, л. 71]. При этом только в Саратове оказались вновь образованы химический факультет в Саратовском университете, колхозный и совхозный факультеты в Саратовском сельскохозяйственном университете, развернута работа крупного научно-исследовательского учреждения — Института засухи [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 325, л. 63]. Приглашенные профессора отмечали: «перед нами стоит дилемма: или отказаться от работы в Саратове, или проживать неопределенное время без квартиры, находя пристанище за городом, или в гостинице, или временно на чужой площади. Лишь немногие рискуют оставаться в Саратове при таких условиях» [Там же, л. 64]. В гостиницах проживали и научные работники Смоленска (где находился центральный университет Западной области) [Там же, л. 42]. Однако даже в таких условиях вновь приехавшие преподаватели могли быть уплотнены: так, Краевое Дальневосточное бюро СНР сообщало: «марта 2-го дня [1932] в 4 часа дня в 5-ю гостиницу, где отведены взамен квартир номера для научных работников, явился отряд милиции в 6 человек и предъявил требование научным работникам Борзенец и Михееву немедленно освободить занимаемые ими номера 94 и 97, причем первому предложено уплотниться в маленьком номере с доцентом Горевым, а второму — переселиться в студенческое общежитие Планового института. <...> В случае неповиновения угрожало насильственное выкидывание вещей в коридор, что и было проделано в № 7, где проживала научный работник Житомирская, временно отсутствующая. Ее вещи были выброшены в коридор: судьба оставленных вещей неизвестна» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 295, л. 37]. В жалобе подчеркивалось: «...в лишении научных работников их жилищных прав и прав по снабжению и питанию есть какой-то разумный предел, вне которого возможность работы научного работника прекращается и сам он перестает сознавать себя нужным в Дальневосточном крае» [Там же, л. 38].

В условиях обострившегося жилищного вопроса после ряда паллиативных мер, неспособных преодолеть мизерность жилищного фонда, провинциальными университетами в целом было решено присоединиться к программе жилищного кооперативного строительства. Тем более, что к этому обязывали и поступившие из центра рекомендации. В 1928 г. в упоминавшемся уже Саратове был организован жилищно-строительный кооператив, поставивший задачу построить в течение 5 лет с 1929 по 1933 г. восемь трехэтажных домов с общим числом 100 квартир. Общая стоимость построек исчислялась в 800 тыс. руб., при этом планировалось внести паенакоплениями 80 тыс. (разбивались по годам), а 720 тыс. изыскать в форме кредитов [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 374, л. 71 об.]. Одновременно Саратовская СНР предприняла

шаги и по перераспределению имеющейся жилплощади: обратилась с просьбой предоставить здание по адресу Приютская, 41 под «Дом ученых», забронировать ряд домов, находящихся в ведении ЖАКТов СНР, под общежития. В Смоленске проблема была «закрыта» передачей в кооперативное владение пяти домов, находившихся ранее в арендном владении университета (их удалось привести в порядок и провести серию ремонтов, предоставив квартиры отдельным научным работникам) [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 325, л. 42].

Свой дом для ученых строился и в Томске, где работали 7 вузов, 3 вуза и 12 научно-исследовательских институтов с общим числом научных работников в 550 человек. В обосновании необходимости его учреждения отмечались уже привычные обстоятельства — «лишь 50 человек живет в благоприятных квартирах бывшего Сибирского технологического института, вся же остальная масса научных работников размещена в домах комхоза, ЖАКТов, частного сектора, при совершенно недостаточной площади и отсутствии элементарных удобств... остро стоит вопрос с размещением вновь приглашаемых профессоров и доцентов из Ленинграда и Москвы» [ГАРФ, ф. Р-4737, оп. 1, д. 293, л. 6].

Проблема переуплотнения имеющейся жилплощади и невозможности замещения вакантных кафедр из-за отсутствия квартир стояла и перед Пермским университетом: она обострялась тем, что в январе 1927 г. в главном здании университета произошел сильный пожар, лишивший крова 20 семей научных работников. Уже в 1927 г. там было образовано кооперативное товарищество «Научный работник», состоявшее из профессоров и преподавателей Пермского университета. Имея нужный объем паенакоплений и ссуду Цекомбанка на строительство, кооператив столкнулся с другой проблемой: отказом Главпрофобра в передаче товариществу участка университетской земли для застройки — она состояла в собственности университета [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, д. 374, л. 64–65].

Наиболее крупным был кооператив Харькова [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 13, ед. хр. 293]. В рамках программы строительства жилищных кооперативов в городе была поставлена задача построить жилой комбинат для научных работников на 45 тыс. кв. м жилой площади, на Харьковскую СНР при этом была возложена задача мобилизации паенакоплений в размере 800 тыс. руб., остальную сумму предлагалось отпустить Цекомбанку в порядке кредитования. Указанное строительство предлагалось приравнять к ударному, предполагая его полное обеспечение стройматериалами в течение 1932 г. [Там же, л. 5]. На 13 декабря 1931 г. в харьковском кооперативе состояло 1 134 члена СНР [Там же, л. 1]. В докладной записке Харьковской секции научных работников отмечалось: «состав членов ЖСК характеризовался следующими данными: 67 % в возрасте до 35 лет, 79 % окончили ВУЗ после 1917 г., в Красной Армии, Красной Гвардии и в «красных партизанах» служили 366 человек, членов партии и комсомола было 490 человек, по социальному происхождению — 51 % рабочих и крестьян» [Там же, л. 6].

Вопрос о социальном составе ЖАКТа ставился и в переписке Владивостокского жилищно-арендного кооперативного товарищества (1929). Она выявила неожиданный, но вполне объяснимый аспект функционирования жилищной

кооперации в провинции: «При обсуждении вопроса о районировании в Окргжилсоюзе нашему представителю было указано на... ненужность создания *кастовых кооперативов* (курсив мой. — Е. Д.). ЖАКТ “Научный работник” в практике своей никогда не стремился и не стремится к созданию подобных товариществ. ... Часто нам указывается, что наш ЖАКТ — не рабочий, но если посмотреть, кто живет в наших домовладениях, то картина представится несколько иная, а именно — рабочих 14 человек, студентов 22 человека, которые тоже должны рассматриваться как рабочие, научных работников — 14 человек, которые тоже приравнены в своих правах к категории рабочих, если просуммировать всех перечисленных лиц, то выйдет, что ЖАКТ “Научный работник” представит тогда другую картину, а именно имеет 60 % рабочих и приравненных к ним от общего числа членов» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 325, л. 69]. Эта попытка обосновать статус кооператива показательна: позиции научных работников в провинции, конечно, были гораздо менее устойчивы, нежели в Москве или в Ленинграде. В жалобе из Нижнего Новгорода отмечалось: «кооператив научных работников рассматривается не как рабочий — не формально, а фактически — и поэтому всякая урезка кредитов по губернии прежде всего сказывается на нем» [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 9, ед. хр. 306, л. 70]. Проблема заключалась и в малом количестве пайщиков из числа научных работников в провинции: в Смоленске крохотный научный РЖСКТ попытались просто объединить с другими кооперативами города, однако благодаря вмешательству центра — СНР — слияние удалось остановить [Там же, л. 37–39, 41].

Организация жилищной кооперации в провинции порой носила вынужденный характер и финансово едва ли была по силам научным работникам. При этом, несмотря на значительное субсидирование, строительство осуществлялось крайне медленно. В обращении Кубанского окружного бюро СНР отмечалось, что в ожидании постройки дома членам РЖСКТ в течение двух лет приходилось вносить взносы и платить проценты по кредитам, а с другой стороны — оплачивать то помещение, в котором они в настоящее время проживали [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 14, ед. хр. 374, л. 82]. На тяжесть паевых взносов жаловались и научные работники Краснодара [ГАРФ, ф. Р-5462, оп. 9, ед. хр. 306, л. 70], Нижнего Новгорода (50 руб.) [Там же], Северо-Кавказского РЖСКТ (100 руб.) [Там же, л. 93]. Проблемой становилось совмещение платежей, вызванное длительным непредоставлением жилой площади и стоимостью квартплаты. По данным В. Н. Горлова, в 1930-е гг. значительная часть пайщиков стала выходить из ЖСК именно из-за непосильности платежей [Горлов].

Дом для работников научного труда в Омске: нереализованный проект

Какими же виделись дома для научных работников, спроектированные для кооперативных жилищных товариществ? В нашем распоряжении оказалась сводная техническая документация экспериментального жилого комплекса РЖСКТ «Научный работник» в г. Омск (1936) [ГАРФ, ф. А-7790, оп. 1, ед. хр. 450]

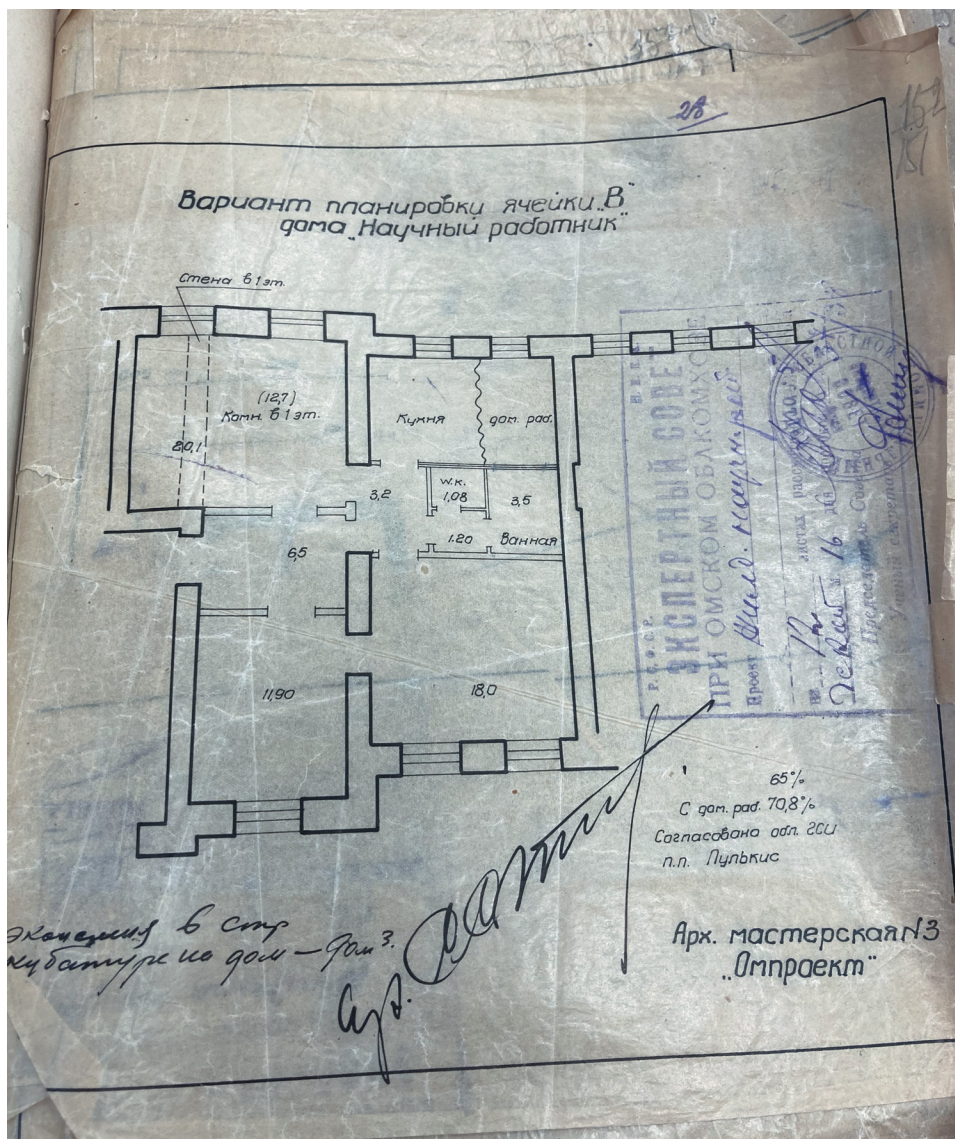
(ил. 1, 2). К сожалению, дом так и не был построен. Однако анализ проекта позволяет охарактеризовать жилищную кооперацию как инструмент социальной стратификации советского общества. Дом имел черты элитарности — прежде всего благодаря отказу от жестких норм государственного распределения жилья, принятых в СССР (в среднем — 9 кв. м жилой площади [Канчеев]).

Кирпичный жилой дом на 30 квартир для РЖСКТ «Научный работник» предполагалось построить в г. Омск на угловом участке по Интернациональной ул. и Гражданскому пер. На этой территории уже имелось два двухэтажных каменных и два одноэтажных деревянных дома, смешанный дом, принадлежавший овчинно-шубному заводу. Все вышеуказанные здания подлежали выкупу — деревянные и смешанный дом были снесены, два каменных оставлены. В подлежащих сносу домах проживало 19 семей, которые должны были быть переселены [ГАРФ, ф. А-7790, оп. 1, ед. хр. 450, л. 10]. Несмотря на затраты, из всех предложенных к выбору участков под застройку дома «Научный работник» избранный участок являлся наиболее экономичным как по сносу строений, так и по отсутствию вблизи грунтовых вод. Кроме того, вблизи дома проходили водопроводная и канализационная линии. Здание находилось в центре, в непосредственной близости от Университета [Там же, л. 11].

Ил. 1. Жилой дом «Научный работник»: проект [ГАРФ, ф. А-7790, оп. 1, ед. хр. 450, л. 150]

Fig. 1. Scholarly Worker apartment block: blueprint [SARE, Stock A-7790, List 1, Item 450, Sheet 150]

Ил. 2. Вариант планировки дома «Научный работник»
[ГАРФ, ф. А-7790, оп. 1, ед. хр. 450, л. 151]

Fig. 2. Scholarly Worker apartment block: an interior layout
[SARF, Stock A-7790, List 1, Item 450, Sheet 151]

Пояснительная записка к техпроекту жилого дома дает детали расположения и внутренних планировок [ГАРФ, ф. А-7790, оп. 1, ед. хр. 450, л. 83–88]. Выделенный участок имел Г-образную форму с вытянутой стороной

по Интернациональной улице, вдоль которой и располагалось большей частью проектируемое здание. Ориентировка здания на участке по сторонам света была благоприятной, так как большая часть жилых помещений оказалась обращена на юг и восток. Общая площадь застройки здания составляла 961,6 кв. м. Отопление здания и вентиляция — центральные, действовала канализация. В смете были запланированы специальные работы по электроосвещению, радиофикации и телефонизации здания [ГАРФ, ф. А-7790, оп. 1, ед. хр. 450, л. 108].

Здание должно было быть четырехэтажным, с подвальным этажом. Каждый из этажей должен был иметь по одной двухкомнатной и одной четырехкомнатной квартире, остальные — трехкомнатные [Там же, л. 83 об.]. На первом этаже угол здания должен был занимать магазин и «деточаг-примитив» (последний мог быть переоборудован в квартиру; примечательно, что при обсуждении проекта его перенесли из секции, выходящей на восток, в торец, выходящий в сторону юга и запада из-за лучшей обеспеченности солнцем [Там же, л. 81 об.]). Остальная часть этажа должна была быть занята трехкомнатными квартирами. В подвале проектировалась прачечная, котельная и подвал для магазина, располагались квартиры дворника и коменданта здания.

Все квартиры, за исключением двухкомнатных, должны были быть оснащены комнатами минимальных размеров для домработниц. Двухкомнатные были хуже по планировке, не имели лоджий, вместо ванных оснащались душевыми. Предусматривалось место для кабинета, столовой, кухни, спальни и (в трехкомнатных) детской. В каждой квартире предполагалось наличие небольшого шкафа-ледника и кладовки в подвале. Площадь жилых комнат двухкомнатной квартиры составляла около 35 кв. м, трехкомнатных — 50 кв. м, четырехкомнатных — 60 кв. м (с высотой потолков 3,2 м). Общее число квартир в здании достигало 30, из них двухкомнатных — 3, трехкомнатных — 24, четырехкомнатных — 3. Трехкомнатные квартиры выходили на улицу Интернациональную, в части здания по Гражданскому переулку располагались двухкомнатные и четырехкомнатные квартиры [Там же, л. 84].

В процессе обсуждения проекта было высказано интересное замечание по внешнему облику здания: «Архитектурное оформление страдает аскетичностью и непроработанностью деталей <...> оформление первого этажа напоминает скучное оформление казарм — не чувствуется здесь, что за стенами будут жить работники научного труда» [Там же, л. 82]. Вследствие высказанного замечания изменения были внесены [Там же, л. 106].

Дом-мечта почти состоялся: постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 20 апреля 1936 г. № 465 «О строительстве жилого дома РЖСКТ “Научный работник”» в г. Омск титул на строительство объемом 16 048 кв. м и сметной стоимостью в 878,4 тыс. руб. был утвержден [ГАРФ, ф. А-259, оп. 20, ед. хр. 31]. Начало строительства было назначено на 1936 г., а окончание — на 1937 г. Однако здание не удалось построить: в 1937 г. программа жилищной кооперации была завершена.

Заключение

Краткий период жилищной кооперации, развернувшийся в годы первой пятилетки, мог способствовать укреплению социальной стратификации (научные работники оказались выведены за рамки общегражданских норм обеспечения жилплощадью), расслоению внутри научного сообщества (были обособлены высшие, финансово преуспевающие категории научных работников), снижению остроты жилищного вопроса в провинции (за счет расселения приезжающих специалистов). С другой стороны, краткий опыт нельзя признать удачным из-за неустойчивости кооперативов для служащих в системе рабочего жилья, немногочисленности кооперативов и административных усилий по их административному укрупнению, нечеткости границ между муниципальным и кооперативным жильем и, наконец, финансовой обременительности кооперативов для пайщиков (при высоких государственных кредитных издержках). С середины 1930-х гг. работа РЖСКТ, инициированная значительным государственным субсидированием в период первой пятилетки, начала постепенно угасать.

Во-первых, к самой практике распределения жилой площади был сформулирован ряд вопросов, прозвучавших еще в ходе упоминавшегося конфликта столичного РЖСКТ с Моссоветом. Основная претензия заключалась в объеме вложенных в кооперативное строительство средств из муниципального бюджета и отказе кооперативов в предоставлении квот в «домах для ученых». Как отмечалось в московской документации, «имеют место случаи, когда члены этих спекулятивных кооперативов в момент окончания отстройки жилой площади самовольно захватывают всю площадь и у госучреждений остаются на руках, в лучшем случае, одни исполнительные листы» [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 20, д. 4095]. Вопросы вызывало и неконтролируемое распределение жилплощади, и последующие возможности ее отчуждения: «происходит прямое спекулятивное обогащение частных лиц за счет государственных средств» [Там же].

Во-вторых, в работе самих РЖСКТ образовались финансовые разрывы, возникшие вследствие превышения установленных цен и расценок, которые привели к общему удорожанию строительства. Попытка отдельных РЖСКТ вновь обратиться за ссудами уже не имела успеха — к постоянному финансированию и покрытию расходов Наркомфин не был готов. Так, его ответом на ходатайство о покрытии финансовых разрывов РЖСКТ в Армении от 4 декабря 1936 г. стало указание на то, что «Финансовые разрывы в жилкооперации образовались вследствие бесхозяйственности. <...> Поэтому НКФ Союза СССР считает, что эти разрывы должны покрываться в соответствии с уставом РЖСКТ в порядке увеличения паевых взносов пайщиков, получивших квартиры в отстроенных домах, по строительству которых имеются разрывы» [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 18, д. 2202, л. 5]. Финансовые разрывы по строительству РЖСКТ прошлых лет имелись не только в Армении, но и по другим союзным республикам. Поставленные советской властью задачи по мобилизации денежных средств советских граждан жилищная кооперация выполнить не смогла.

Постановление ЦИК и СНК от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» затронуло вопросы жилищной кооперации. Все союзы жилищно-строительной кооперации, а также те кооперативы, которые не способны были погасить в течение шести месяцев ссуды, полученные ими от государства на строительство жилых домов, согласно этому постановлению, подлежали ликвидации (ликвидационные ведомости балансов и отчетов: [ГАРФ, ф. А-314, оп. 1, ед. хр. 4096]). Строительство кооперативных домов после этого постановления могло осуществляться только за счет собственных средств членов ЖСК без предоставления каких-либо госкредитов. К концу 1930-х гг. жилищные кооперативы по сути прекратили свое существование (до 1958 г. создавались в исключительных случаях, на основании специальных решений Правительства СССР), оставшись яркой страницей в истории советской социальной политики 1920–1930-х гг.

Источники

6-я линия ВО 39 Санкт-Петербург : паспорт дома. URL: https://prawdom.ru/dom.php?hm=6-ja%20linija%20VO%20spb_39 (дата обращения: 22.04.2021).

20-я линия 15 Санкт-Петербург : паспорт дома. URL: https://prawdom.ru/dom.php?hm=20-ja%20linija%20spb_15 (дата обращения: 22.04.2021).

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259. Оп. 12 б. Ед. хр. 3080; Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 4096; Ф. А-7790. Оп. 1. Ед. хр. 450; Ф. Р-3316. Оп. 26. Ед. хр. 182; Ф. Р-4737. Оп. 1. Ед. хр. 268, 293, 378, 393; Ф. Р-5446. Оп. 14. Ед. хр. 1800; Оп. 18. Ед. хр. 2202; Оп. 20. Ед. хр. 4095; Ф. Р-5462. Оп. 9. Ед. хр. 306; Оп. 11. Ед. хр. 325; Оп. 13. Ед. хр. 293; Оп. 14. Ед. хр. 295, 374; Ф. Р-8131. Оп. 10. Ед. хр. 36.

Дмитровский 5 Санкт-Петербург : паспорт дома. URL: https://prawdom.ru/dom.php?hm=Dmitrovskij%20spb_5 (дата обращения: 22.04.2021).

Зачатьевский 1-й 13 Москва : паспорт дома. URL: https://prawdom.ru/dom.php?hm=zachatevskij1-j77_13 (дата обращения: 23.04.2021).

Зубовский 16-20 Москва : паспорт дома. URL: https://prawdom.ru/dom.php?hm=zubovskij77_16-20 (дата обращения: 23.04.2021).

Канчев А. А. Бюджетное обследование научных работников // Научный работник. 1925. № 3. С. 121.

Сивцев Вражек 4 Москва : паспорт дома. URL: https://prawdom.ru/dom.php?hm=sivcevvrzhek77_4 (дата обращения: 23.04.2021).

Тайцлин И. С. Жилищные права и условия научных работников // Научный работник. 1927. № 1. Январь.

Чаплыгина 1/12, стр. 1 Москва : паспорт дома. URL: https://prawdom.ru/dom.php?hm=chapllygina77_1%2F12%2C%20%F1%F2%F0.%201 (дата обращения: 23.04.2021).

Ясинская В. И. Жилищные условия научных работников в Москве и в провинции // Научный работник. 1928. № 11. С. 50–51.

Исследования

Архитектура Москвы периода НЭПа и Первой пятилетки : путеводитель / О. Панин, Н. Васильев, Е. Овсянникова и др. М. : ABCdesign, 2014.

Горлов В. Н. Классовая политика советского государства при становлении и развитии жилищной кооперации в 1920–1930-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11, № 4. С. 13–29. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2020-11-4-13-29>

- Давыдов А. Ю. Самодельные городские кооперативы в годы НЭПа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 44–52.
- Долгова Е. А. Квартирный вопрос для красной профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122–125.
- Князев М. Б. Ведомственное и кооперативное жилище в Москве второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. архитектуры : 05.23.20 / МАРХИ (Академия архитектуры). М., 2019.
- Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
- Петаченко Г. А. Проблема жилищных прав научных работников РСФСР в 1920-х гг. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. 2010. № 1. С. 22–25.
- Andrusz G. Housing co-operatives in the Soviet Union // *Housing Studies*. 1992. № 7(2). P. 138–153.

References

- Andrusz, G. (1992). Housing Co-Operatives in the Soviet Union. *Housing Studies*, 7(2), 138–153.
- Davydov, A. Yu. (2014). Samodeiatel'nye gorodskie kooperativy v gody NEPa [Urban Cooperatives in the Years of the NEP]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 164, 44–52.
- Dolgova, E. A. (2017). Kvartirnyi vopros dlia krasnoi professury [Housing Shortage for Red Professors]. *Rodina*, 8, 122–125.
- Gorlov, V. N. (2020). Klassovaia politika sovetского gosudarstva pri stanovlenii i razviii zhilishchnoi kooperatsii v 1920–1930-e gg. [The Class Policy of the Soviet State in the Formation and Development of Housing Cooperatives in the 1920s and 1930s]. *Lokus: liudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 11(4), 13–29. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2020-11-4-13-29>
- Knyazev, M. B. (2019). *Vedomstvennoe i kooperativnoe zhilishche v Moskve vtoroj poloviny 1920-kh – pervoi poloviny 1930-kh gg.* [Departmental and Cooperative Housing in Moscow in the Second Half of the 1920s – First Half of the 1930s]. Moscow: [s. n.].
- Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaia politika v SSSR kak sredstvo upravleniia liud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment with Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Managing People (1917–1937)]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN).
- Panin, O., Vasil'ev, N., Ovsyannikova, E., Vorontsova, T., Tukanov, A., & Tukanov, M. (2014). *Arkhitektura Moskvy perioda NEPa i Pervoi piatiletki: putevoditel'* [Architecture of Moscow during the NEP Period and the First Five-Year Plan]. Moscow: ABCdesign.
- Petachenko, G. A. (2010). Problema zhilishchnykh prav nauchnykh rabotnikov RSFSR v 1920-kh gg. [The Problem of Housing Rights of Scientists of the RSFSR in the 1920s]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga universitjeta. Seria 3*, 1, 22–25.

Долгова Евгения Андреевна

доктор исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6, к. 3
E-mail: medievalis@list.ru

Dolgova, Evgeniya Andreevna

Dr. Hab. (History), Associate Professor,
Senior Researcher
Russian State University for the Humanities
6/3, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
Email: medievalis@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3902-7142>
ResearcherID: E-7791-2017
Scopus AuthorID: 57195965998